

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

КРЕЩЕНИЕ СВИНЦОМ

ВАСИЛИЙ ДВОРЦОВ

Василий Владимирович Дворцов
Крещение свинцом
Серия «Окопная правда
Победы. Романы, написанные
внуками фронтовиков»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67044191
Крещение свинцом: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-163902-0*

Аннотация

Исключительные по своей правде романы о Великой Отечественной. Грохот далеких разрывов, запах пороха, лязг гусениц – страшные приметы войны заново оживают на страницах книг, написанных внуками тех, кто в далеком 1945-м дошел до Берлина. Новые боевые романы, написанные внуками фронтовиков. Реальные истории, настоящие герои. Суровая окопная правда Великой Победы!

Апрель 1943 года. После разгрома фашистов на Кавказе наступающие советские войска столкнулись с хорошо укрепленной обороной противника на Таманском полуострове. Чтобы получить сведения о ее слабых местах, группе дивизионной разведки лейтенанта Смирнова приказано перейти

линию фронта и добыть «языка». За плечами опытных бойцов десятки рейдов в немецкий тыл. Но на этот раз им предстоит по-настоящему опасное дело, живыми из которого вернутся не все...

«Они одновременно выстрелили с полушага, так что разлетелись-развалились в разные стороны. Немец, закинувшись с выбитым глазом, ещё судорожно дёргал ногами. А вот Живчику досталось точно в центр грудины».

Василий Владимирович Дворцов Крещение свинцом

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Дворцов В.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

17 апреля 1943 года. Суббота.

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 17 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани части Н-ского соединения вели активные боевые действия и на отдельных участках отбивали контратаки противника. За два дня боёв на этом участке фронта уничтожено до 4000 немецких солдат и офицеров, подбито и сожжено 17 танков, уничтожено 39 орудий, 31 миномет и более 100 пулеметов. Нашими бойцами захвачены трофеи, в числе которых 8 орудий. На другом участке противник предпринял несколько контратак. На наши позиции впереди двигались румыны, а за ними шли немецкие автоматчики. Попав под убийственный огонь советских подразделений, румыны повернули назад. Тогда немцы открыли

стрельбу по своим «союзникам» румынам. Наши бойцы контрударом опрокинули противника и улучшили свои позиции. Только на этом участке противник оставил 3 подбитых танка и до 300 трупов своих солдат и офицеров.

* * *

– Дьяк, ну что, хавнем по-шустрому? Наперёд, на недельку?

Мелкий Живчик, для авторитетности никогда не расстававшийся с автоматом и пистолетом, подсел-плюхнулся вплотную, чуть толкнув под руку. Дьяк недовольно отодвинулся, но головы не поднял.

– Чего так?

– А пророчествую. Через день-другой дальняя дорога выпадает. – Живчик сдвинул пилотку на самый затылок, подвзбил жиденский сизый чубчик – гордость разведчиков. – Командир из дивизионного штаба с особистом вернулся. Да не с каким-то фуфельником, а с капитаном госбезопасности. Щас тот в наших историях полный шмон проведёт, согласно инструкции поисповедует: а насколько сильно ты Советскую власть любишь? Какие грехи тебе в коммунистическое царство войти мешают? Да, в натуре, достоин ли ты, отсталый элемент, ваще за Родину геройскую смерть от врага принять? Помытарит почище инквизитора.

Живчик достал, Дьяк отложил отвёртку, схлопнул цейсовскую лупу в бронзовый чехол. Повернулся, еще чуток отодвинувшись:

– Ты-то, мил человек, про инквизиторов что знаешь? По своей линии жизни ты только про народный да военно-полевой суды, ну, про трибунал что-то ведать можешь.

– У нас на почтовом ящике один профессор тянул, вечерами в бараке блатным книжки пересказывал. Про горбуна с колокольни и краснучку-цыганку я запомнил. Чувственная такая история. Ладно, не отвлекай: особист ноне копать глубоко станет. В один-один-тридцать-пятом полку шухер вышел, там какого-то валета раскололи, что батразведка сама завалила своего младшего летёху. Ну, понтаря желторотого, что отряд на смерть погнал. Там сейчас всех в ломбард сдали, всем расход светит, невзирая на заслуги. Ну и остальные разведки шмонают. Так что шухарись – как там древние греки базлали?

– Древние римляне. Предупреждённый вооружён.

– Вот-вот. Дёргай затвор и гребь к плите, засветим схроны с хавчиком да гуднём перед сквознячком.

Дьяк проводил взглядом уходившего Живчика. Точнее – беззвучно растворяющегося меж растопыренных, жиденко забелевших лопающимися цветочными почками абрикосовых ветвей. Худенький, но широкоплечий недорослик с обязательным «ППШ» за плечом, во всегда чистом, щегольском камуфляже «лиственный лес – весна-осень» с отяжелёнными

ми карманами. Бывшие блатные всегда излишне, даже для разведки, самоутверждались оружием после тюрем и лагерей с нагими шмонами и безответностью перед хамством вертухаев и брежневых. Автомат, пара пистолетов, пяток гранат и обязательный символ воровской самости – видный нож. Уставной для разведчиков «норвежского типа» обязательно доводился до воровского шика полосато-наборной плексигласовой рукоятью. Ну, и какой же вор без утопленной за голенище заточки?

Однако же озадачил мазурик. Проходить даже простую очередную проверку особого отдела – головная боль вкупе с зубной. Заноза в том, что этих капитанов госбезопасности постоянно меняют. Два-три месяца – и новый. Понять-то идею такой ротации можно, да вот принять сложно. Каждый новоявленный предавался исполнению служебных обязанностей до фанатизма, добиваясь отличной отчётности с обязательным выявлением шпионов и склонных к дезертирству. И уже прошерстившие твою подноготную предшественники, не нашедшие ничего преступного или даже предосудительного в твоих поступках, для них ничего не значили.

Не привинчивая, просто вернул на место верхнюю панель немецкого передатчика, закрыв крышку, поставил алюминиевый ящик на два таких же – с приёмником и блоком питания. Отличный такой аппарат «SE 108/10», мощный, лёгкий, ест мало. Немцы многое продумали, даже маркировка на английском: если агента перехватят, ещё не доказано, чей

он. Может, союзник. Спасибо пехоте за подарок, жаль, приёмник осколок насквозь продырявил, схема и две лампы закапутились.

Две кривые, из полубрёвен, мощные скамьи, на которых Дьяк расположил на изучение и разбор снятый с подорвавшегося на mine мотоцикла трофей, не сданный дружественной пехотой «куда следует», а выменянный разведчиками на пол-ящика фашистской тушёнки и два блока сигарет, стояли в абрикосово-сливово-вишневом саду за заглублённой возрастом в землю крестьянской хатой, плотно забитой тыловой службой всякой всячиной, нужной и для ведения боевых действий, и для отдыха. Дьяк успел заглянуть одним глазком, когда получал батареи: чего там ни слоилось в ящиках и коробках до потолка – от конской упряжи, мыла, хлора, канистр, фляг, скобяного и шанцевого инвентаря до энзэшной зимней амуниции. Даже блестели трубами два старинных граммофона.

Кухня и блок питания располагались ниже метрах в двухстах, над самым овражком под местными кривыми, длинноигольчатыми соснами. Когда-то это была хуторская лесопилка, от которой остались лишь саманные, как и у хаты, некогда белёные стены. Потолок они накрыли брезентом, замаскировали ветками, оконные проёмы затемнили. Полы земляные, но по-весеннему ещё без блох. Зато сохранилась настоящая варочная печь, теперь радостно окружённая бака-

ми, вёдрами, столами и лавками. Места оказалось достаточно даже для маленькой, но настоящей баньки. Ниже пищеблока, почти на самом дне заросшего орешником и акациями оврага вольно разметались прикопанные палатки – каре из восьми четырёхместок для бойцов и по центру командирская, в которой нынче и будут в головах шарить.

В разведывательной роте триста тридцать девятой стрелковой дивизии их второй взвод числился штабным резервом, они, можно сказать, были элитой – за каждым такая боевая биография, что хоть ежедневно заметки в «Огонёк» и «Красную звезду» посылай. С фотографиями. Потому располагались они под рукой командования, и обед им подвозили чуть ли не одновременно с комдивом полковником Кулаковым. Лучше квартировал и харчевался только полуэскадрон конной разведки, который вообще был личным эскортом комдива и начштаба.

Так что ротный повар лишь доваривал-дожаривал выданное сверх нормы зампотылом из общаковых трофейных припасов – на сегодня это были гороховые лепёшки с маргарином. Да поддерживалось постоянное кипение в баке – верная примета того, что ушедших на задание здесь дождутся. Всех дождутся.

За столом их отделения уже полный сбор. И за двумя другими тоже плотно – секретная весть о скором задании разлетелась мгновенно. Ели молча, черпали споро, старательно выцарапывая остатки ложками, коротко перебрасываясь

редкими малозначащими фразами. Даже обожавший всеобщее внимание Живчик только зыркал по сторонам из-под чуба, по-лагерному накрывая котелок всем телом.

– Всё, бойцы. На перекур! – Старшина Воловик, в свои сорок два естественно воспринимаемый всеми отцом-верховодом, рывком затянул кожаный офицерский ремень, поправил кобуру и ножны. Тыльной стороной ладони он привычно разогнал по верхней губе, всем на зависть, как у моржа, вислые усы и с нескрываемой нежностью прогладил введённые два месяца назад погоны. – Айда наверх, за хату.

Дьяк, в три затяжных глотка опустошив кружку и поблагодарив дежурного, поспешил за своими. Хотя чего спешить-то? Без него всё решат, ему только кивнуть с умным видом. Обходя разорванный прямым бомбовым попаданием немецкий полугусеничный пушечный тягач «Ганомог», задержал дыхание – трупы фрицев захоронили, но запах сгоревшего человеческого жира неистребим.

Апрель на Кубани ломал все его предыдущие представления о весне. Дома-то, в Томской области, сейчас только-только сугробы осели, вдоль дорог с солнечной северной обочины грязно вычернели ледяные соты-коросты. Да наросли полутораметровые сосульки – с крыш до земли. Ещё, поди, свиристели и снегири в тайгу не улетели. А здесь уже цветы распускаются. И это же подумать только – на абрикосах! На абрикосах, господи помилуй. Молодая, явно озимая, какая-то вся кружевная травка плотно покрывала давно про-

сохшую землю. Даже вспомнить страшно, какая в России в апреле гиблая распутица. Жуть. К тому же у Дьяка была особая причина не любить грязь: из-за проклятой жижи прошлым октябрём он поймал снайперскую пулю. Тянули связь, два-три шага, и сапоги от тебя отставали. Вот он и задержался на долю секунды, не торопясь падать животом, влипая руками по локти в эту тестообразную ледяную глину. Доля секунды – и вот теперь чешется рубец вдоль левых рёбер.

Нежные веточки, увешанные расщелившимися почками, холодно-скользко гладили лоб и щёки, ноздри сладко щеко-тал дух сочащейся под солнечным давлением смолки, кружащий под ногами голодный, обиженно толкающий всё на своём пути шмель давил сочувствие. Выселок, в котором они расположились, укрывался от пылящего, гудящего и гремящего шляха двумя километрами всхолмленных зарослей орешника. И если бы не рваная, сбивающая ритм канонада, уже четверо суток не смолкающая вокруг невидимой за горой Абинской, да не пролетевшие с утра туда-сюда восемь раз советские штурмовики и немецкие бомбардировщики, то как бы сейчас получилось – хоть на несколько минуточек! – отдаться бездумному весеннему восторгу. Зацветающие абрикосы, толкающийся шмель, молодая сильная травка...

Так как Кырдык и Пичуга были в нарядах, то курильщики разделились три на три: Старшой, Сёма и Ярёма против Копоти с Живчиком и примкнувшим к блатным Лютым.

Для тех, кто не знает списочного состава: Старшой – командир отделения, младший сержант Воловик Тарас Степанович тысяча девятьсот первого года рождения, успешный ещё на Гражданскую, а между войнами бригадир столояров-краснодеревщиков в Нижнем-Горьком. Кырдык – Ильяс Азаткулов, местный пастух-ногаец, теперь минёр, кажется, двадцати пяти ещё нет, хотя кто точно определит возраст степняка? Сёма – их чудо-снайпер с Дальнего Востока, по документам Калужный Семён Семёнович тысяча девятьсот восемнадцатого года рождения. Ярёма – богатырь, ялтинский портовый грузчик Ерёмин Мирон Никифорович с двенадцатого года. Пичуга – и правда, как малая птичка, художничек московский студент-филолог Клим Пичугин, хорошо, если уже есть двадцать, но знание немецкого языка – и в разведку. Противную сторону представляли два вора – рецидивист-скокарь Копоть – Шигирёв Прохор Никитович тысяча девятьсот девятого года рождения в лихославном городе Орле, беспризорник, за три ходки накопивший тридцать четыре года по статье сто шестьдесят второй, и Живчик – ярославский вор-сопчик Гаркуша Яков Иванович семнадцатого года, почти отмотавший десятку, да получивший довесок за попытку побега. Почему к ворам присоединился грозно звучащий Лютый? Ну, на самом-то деле – Лютиков Антиох Аникиевич, пермяк, сын священника, с семьёй сосланного на поселение в Казахстан, оказавшийся в армии после пись-

ма к товарищу Калинин у с прошением разрешить ему с ору-
жием в руках защищать родную Советскую власть. Но Лю-
тый точнее прилегало к широкоскулому и широкобровому
блондину гимнастического сложения, боксёру, борцу и ма-
стеру метания ножей, лопатки и топора.

Тогда уж и о Дьяке! Шутки шутками, но действитель-
но дьякон Русской Православной Церкви, рукоположенный
архиепископом Варлаамом Ряшенцевым, отец Димитрий –
Дмитрий Васильевич Благословский тридцати лет, родом из
Томска. Здесь, в разведке, радист, до того – рядовой третье-
го взвода пятьдесят шестого отдельного батальона связи два-
дцать четвёртой стрелковой дивизии. В армии с января со-
рок второго – тогда вышедшую из окружения, страшно поре-
девшую четыреста двенадцатую срочно переформировыва-
ли в двадцать четвёртую, и его, работавшего на вологодском
оборонном заводе, зачислили в батальон связи, не глядя на
«бронь» и сан. В марте дивизию перекинули под Тамбов в
резерв Ставки, а четырнадцатого декабря выгрузили в Кала-
че и форсированным маршем вывели на реку Мышкову на
позиции обороны Сталинграда. Так что первая беседа рядо-
вого-дьякона Благословского с особистом состоялась только
в госпитале. Если бы поставленного на особый учёт тогда
не забрал к себе в дивизионную разведроту лежавший ря-
дом лейтенант Смирнов Александр Кузьмич, которому вто-
рой орден Красного Знамени генерал Шумилов вручал пря-
мо в палате, то кто знает, чем бы всё закончилось.

В разведке всегда только добровольцы. Первые наборы были идейно-комсомольскими, но на второй год войны потери среди героически страстных, но недообученных, да и зачастую психически и физически непригодных, заставили командование внести коррективы. С января сорок второго в армию из лагерей стали набирать осуждённых по уголовным статьям на срок не более двух лет, а потом пошли и все желающие, кроме политических. В пугающие уже одним только названием штрафбаты направляли не более десяти процентов из самых конченных головорезов, основная же масса «прощённых Родиной» комплектовала пехоту. На желание перевестись в разведку писали рапорты, ведь если жизнь и смерть пехотинца были в замыслах командования, то у разведчика они больше зависели от собственного ума и сноровки. Так что тут встречались бойцы с опытом от самого июня сорок первого.

В их роте, кроме самого старшего лейтенанта Смирнова, из таких первых комсомольцев на весну сорок третьего служили трое, и авторитет их был беспрекословен. Даже для воров.

Понятно, «на перекур» сказано фигурально, курящие в лесу некурящими отслеживаются метров за пятьдесят-семьдесят. Просто здесь, за хатой, можно было «перетереть» без лишних глаз и ушей. Спор повёлся тактико-стратегический, по принципам прохождения «бесед». Старшой предлагал

ничего не менять и являться чётко по приказанию, то есть в азбучном порядке от «а» до «я». Копоть же хотел немного помутить – мол, кто-то в наряде, кто-то у врача и прочее, прочее, чтобы ему с его «ш» оказаться посреди «а» и «б». По логике Копоти, капитан на первых порах особо рыть не станет, надеясь всё равно до конца дня кого-то в виноватые назначить. Поэтому пусть первыми чистилище пройдут рябые. А в конце предъявить ему самых бело-невинных, типа Пичуги и Кырдыка. Логика убедительная, однако если капитан подвох учует, а он, по породе своей борзой, обязательно учует, то тогда горюшко на всех ляжет.

Копоть кашлянул, и Живчик махом поднял на колени тяжко звякнувший вещмешок. И это было ошибкой. Принципиальной. О том, как неделю назад, когда рота только располагалась в пункте дислокации, обживалась, копала дозорные и огневые точки, минировалась, а блатные куда-то по ночам отлучались, знали все. Что-то из раздобытого в блиндажах и схронах выбитых фашистов вору внесли в общий котёл, но, понятно, что-то и замагатили. Ну, это их натура, а с другой-то стороны, деловые всерьёз рисковали подорваться или попасться патрулю, так что осуждать их было сложно.

Только вот сейчас мазурики лопухнулись. Грубовато вышло. Так с товарищами по оружию поступать не стоило. От «фронтной» – коричневого французского коньяка с розовой консервированной колбасой и хрупкими галетами – никто не отказался, но переходить на сторону мутильщиков те-

перь даже и не думали. Вроде как купленные получают. Не задорого. Так что и поддакивающий до того Копоти Лютый замялся.

– А ты, Дьяк, как мыслишь? – Копоть щедро плеснул в кружку коньяк, а Живчик выложил на левую ладонь толстый кружок колбасы на галете. – Тебя, понятно, на «б» из первых позовут, но дело не в личном фарте, а в понятиях для братвы. Если мы с Живчиком на войне по правилам, то ты да Лютый, вообще, висельники политические. Вам контрреволюцию за папу-маму враз навесят. И кто тогда за вас встрянет, если не мы? Не все мы?

Копоть почти улыбался криво подрагивающим ртом, только ледяной чёрный взгляд по-лагерному никогда не опускаемых глаз выдавал всё его быкование. Как же он сейчас проклинал себя за то, что затеял публичное бодание со Старшим, вполне понимая, что, скорее всего, проиграет, и теперь всё его блатное самолюбование пылало от унижения.

– Да, Дьяк, что ты думаешь?

Ярёма осторожно, с оглядкой, как это делают сильные люди, привстал со скамьи, пересел на край, освобождая место подошедшему. Радист и повар – кадры особо оберегаемые, но Дьяк умел уже различать отношение к себе как к личности и как к носителю сундучка с зайцем-уткой-яйцом-иглой товарищеских жизней, ранений, смертей, засад, а главное, смыслов общей разведывательной работы.

– Думаю, что не стоит всем суетиться. Пусть у всех идёт,

как прописано. А вот мы с тобой давай-ка лично нарядами подменимся. Попросим старшину, пусть в графике дежурств нас переμεжит, и я, – Дьяк сдвинул манжет гимнастёрки, всмотрелся в мутно-затёртое стёклышко «первого часового», – через тридцать семь минут заступлю на пост. Ты где должен быть? На шестом? А через четыре часа ты меня сменишь, и всё будет шито-крыто. Никто не подкопается.

– Ты сам сказал! – Копчёный выдержал красивую паузу, как бы и не сразу соглашаясь. – Замётано.

– Замётано! – Сбоку под руку подскользнул Живчик, поднимая на ладони следующую галету с колбасным кружком. – Уважуха! Быть тебе, Дьяк, козырным фраером.

Старшой и Ярёма переглянулись и разом поднялись.

– Ну ладно. – Распрямившийся Старшой опять поправил ремень, кобуру, разгладил погоны. – Копоть, ты уж сам договорись о подмене. Придумай, что там, типа, живот крутит. Но это будут ваши дела, мы ничего не знаем.

Все недружно заподнимались и разреженной цепочкой неспешно потопали вниз, в расположение роты.

Тормознувший у входа в палатку Лютый заглянул под полог и, убедившись, что внутри никого нет, с разворота толкнул нагнавшего его Дьяка в грудь пальцем. Потом ещё и ещё.

– Ты чего, отче?! – почти неслышно шипел он. – Ты чего? Зачем с блатарями в поддавки играешь? Думаешь, оценят? Это Копоть-то оценит? Ну, объясни, объясни: какого горбатого ты за воров встречаешь? Что за высший смысл подстав-

ляться?

Вот зачем Дьяк так снисходительно скалился? Лютый в ответ выдержал бы что угодно, хоть зуботычину, но только не эту самодовольную дьяковскую улыбочку. Лютый уже не знал, куда ещё закосить глазами, и сжимался, сутулился, срываясь с шипа на сип:

– Да! Согласен. Согласен: виноват. Ну? Да. Виноват я! Был такой момент, заёрзал, заелозил. Ну? Прости.

– Бог простит. И понятно, никто блатным не верит. Что они оценят? Просто увидел его страх, ну и среагировал. Можно сказать – срефлексировал, не успев подумать. Такой головорез и струхнул. Так что это ты меня прости. Согласен, зря на риск иду.

* * *

– Фамилия?

– Благословский.

– Имя и отчество?

– Дмитрий Васильевич.

– Год рождения?

– Тысяча девятьсот тринадцатый.

– Место рождения?

– Томск.

– Место проживания на момент мобилизации?

– Вологда.

– Национальность и гражданство?

– Русский, гражданин СССР.

Капитан – молодой, но уже полнеющий и лысеющий, устало задавал протокольные вопросы, не поднимая головы от бумаг. И правда, сколько же раз он сегодня проговаривал и выслушивал то, что можно было просто прочитать. С обеда начал, так что уже человек тридцать точно прошерстил.

– Когда и каким военкоматом вы были мобилизованы в Красную армию?

– В Красную армию мобилизован двадцать пятого января тысяча девятьсот сорок второго года Ленинским райвоенкоматом города Вологды.

– В какую часть вы были зачислены и в качестве кого служили?

– Зачислен рядовым красноармейцем в третий взвод пятьдесят шестого отдельного батальона связи двадцать четвёртой стрелковой дивизии. Позже, когда дивизию перевели под Тамбов, был отправлен на курсы связистов.

– А как это получилось? – Капитан нехотя поглядел на стоящего навтыжку рядового. – Как вообще вы оказались мобилизованы? Вы же были под «бронью». В анкете сказано: «Происхождение: из служащих, лишён прав не был», но тут же далее: «Возведён в сан диакона Русской Православной Церкви». Вам же не в Рабоче-крестьянской Красной Армии, вам, в лучшем случае, в народном хозяйстве, да и то под надзором.

– Я очень хотел... Родину защищать.

– И что? Пошли на подлог? – Капитан опять уткнулся в личное дело. В свете керосинки блестели золотистый, в синей окантовке с белыми звёздочками погон и круглая лысинка на темени. – В разведку зачем напросились? Захотели сменить место службы в надежде утери личного дела при переводе в нашу триста тридцать девятую дивизию?

– Я правда очень хотел Родину защищать.

– «Правда»? А что есть «правда»? Для вас? – Ну вот, начинается. Капитан откинулся на табурете, скрестил руки на груди, перекрыв яркий, новенький орден Отечественной войны второй степени. Наверное, за Грозный или Гудермес, там в январе-феврале энкавэдэшники с эдельвейсовцами, а ещё пуще с местными предателями крепко бились. Пухлое, мучнисто-белое лицо в каре начёсанной поперёк лба прядки и низких висков продолжало выражать усталое равнодушие, но в глубине синих, как у младенца, глаз чуть-чуть обозначились точки кошачьего, охотничьего интереса.

Вкопанная под крышу палатка, в которой располагались образцово застеленные, прикрывающие одеяльными навесами вещмешки и чемоданы, командирская и замполитская раскладушки, большой стол-козлы, зелёный сейф и фанерный ободранный шкаф с посудой и пайковыми запасами, в свете керосиновой, с чистым новым стеклом лампы казалась такой расслабляюще уютной, мирно обжитой, что Дьяк едва стогнял в кучу разбегающиеся мысли.

Не дождавшись ответа на непротокольный вопрос, капитан вернулся в прежнее, надбумажное положение:

– Какие у вас взаимоотношения с Шигирёвым Прохором Никитовичем?

– Взаимоотношения у нас с рядовым Шигирёвым нормальные. Личных, если вас это интересует, нет. Только служебные.

– Это вы что, так шутите? В одном отделении с вором-рецидивистом, и – «только служебные»? Интересно. Поделитесь опытом, как вам, служа с матёрым уголовником, удаётся не видеть фактов мародёрства?

– Так ведь с него должны судимость снять: рядовой Шигирёв очень смелый разведчик, в группе захвата добыл одиннадцать «языков». И лично уничтожил порядка двадцати фашистов. Я с ним около тридцати раз ходил в тыл врага. В поиске он образцово дисциплинирован и находчив.

– Прямо наградной рапорт. А вас нестораживает, что социально опасный элемент вдруг напросился на фронт, да ещё на самый риск?

– Позвольте повторить: мы только товарищи по службе, а не друзья.

Капитан неспешно просмотрел несколько разнородно испечатанных листов.

– Про Пичугина Клина Серапионовича даже спрашивать не стану. Но вот с рядовым Лютиковым Антиохом Аникиевичем вы уж точно дружите. Вам же по происхождению по-

ложено – оба из священнослужителей.

– С рядовым Лютиковым мы правда состоим в достаточно доверительных отношениях. Но, опять же, не из-за происхождения, а потому, что также многократно бывали с ним в поиске за линией фронта.

– И он тоже герой.

– Так точно: рядовой Лютиков – смелый, находчивый и дисциплинированный разведчик. Спортсмен, помогает новичкам в освоении приёмов борьбы.

– Конечно, конечно. И потому между заданиями вы с Лютиковым ни о религии, ни об отношении Советской власти к религии не говорите?

Всё то же выражение утомлённого равнодушия, только глубинные точки охотничьего интереса расширились вместе со зрачками. Дьяк ответно чуть-чуть притоптался.

– Мы с Лютиковым, если не в наряде или на задании, обязательно присутствуем на политзанятиях, спросите товарища политрука. Более того, мы испытываем искреннюю благодарность к Советской власти, которая доверила нам оружие и позволила реализовать желание биться с фашистскими оккупантами. Конечно, беседы наши иногда касались личной веры, но только личной, без обобщений. И никого в них мы никогда не вовлекали. Кроме того, Лютиков много времени уделяет боевой и физической подготовке разведчика, так как в поиске он обычно идёт в группе прикрытия, что предполагает прямые и активные боестолкновения с преследующим

противником и диверсионные акты.

– Не надо меня просвещать. Я знаю специализации в разведгруппе.

– Прошу прощения, виноват.

– Ну, насчёт прощения, ещё успеется. А сейчас отвечайте. вы категорически утверждаете, что никакой критики Советской власти за её принципиально твёрдую материалистическую политику в отношении церкви, а также распространение иных антисоветских, в том числе монархических, взглядов среди кого-либо из красноармейцев своего подразделения, ни вы, ни рядовой Лютиков не вели?

– Так точно. Утверждаю. Мы, как вменяемые русские люди, не можем не испытывать самых добрых чувств к рабоче-крестьянской власти, особенно после того, как прочитали в газете «Известия», что правительство, возглавляемое товарищем Сталиным, решило принять материальную помощь от верующих на производство боевой техники. А какую радость мы пережили прошлой весной, когда в Москве было разрешено пасхальное богослужение!

– Ну, это временно. Рано вы обрадовались. И чему, собственно? Ведь если подумать, то получается: обрадовались нападению врага на нашу Советскую Родину. Мол, теперь Родине не до вас, не до уголовников, кулаков и церковников. Рано. Как бы вам ещё не заплакаться.

Дьяк вытянулся по стойке «смирно». Капитан тоже развернул грудь, задержал дыхание. Уже не только глаза, само

округлое лицо его обрело что-то кошачье. Но выдохнул, закрыл тоненькую папку, нацарапал запавшую внутрь верёвочку, завязал бантиком.

– Рядовой, вы свободны. Временно.

– Разрешите идти?

– Идите... Отставить!

Что ещё?! Дьяк, мотнувшись, сделал разворот на месте.

– Как мне объясняли: Успенский, Троицкий, Преображенский – праздничные фамилии давались выпускникам духовных заведений за отличную учёбу и примерное поведение. Боголюбов, Добронравов, Благословский – это фамилии для безупречных в поведении, но слабо успевающих. А Цветковыми, Розановыми, Лютиковыми нарекали и отвратительно учившихся, и недостойно ведущих себя.

Дьяк держал спину.

– Сегодня Лазарева суббота. Завтра Вербное воскресенье. «Осанна в вышних». А вы знаете, что на блатном жаргоне «карусель» означает и церковь, и групповые развратные действия, оно как бы равнозначно? А божница на фене – «унитаз»?

– Так точно. Ещё для них церковь – «клюква», отсюда «клюкнуть» – повести на развод, на обман.

– И что, Благословский? Трижды осуждённый вор Шигирёв при этом всё же смелый, находчивый и дисциплинированный воин?

– Рядовой триста тридцать девятой разведроты Шиги-

рѐв привёл из расположения врага одиннадцать «языков». И лично уничтожил более двадцати фашистов.

Уже несколько минут нараставший гул подлетающих из-за горы самолётов как-то разом развернулся в прерывисто вибрирующий рѐв нависших над самой землёй десятков двигателей. Даже пламя в керосинке задрожало, закачались стены палатки.

– Ну, вы постройте из себя идиота. Пофиглярствуйте до поры. – Капитан захлопнул сейф, вдавил ключ в глубь кармана тёмно-синего галифе. – Рядовой, на выход!

– Товарищ капитан, у нас укрытие оборудовано, из ледника. С каменным перекрытием. Пойдѐмте!

– Благословский, бегом в укрытие! – Капитан вновь сел за стол и совершенно по-кошачьи фыркнул: – Оборзел от вежливости, идиот.

Восемьдесят восьмые «юнкерсы» на низкой высоте, перевалив западное начало Большого хребта, обошли нашпигованную зенитками Абинскую и начали набирать высоту, отходя в сторону Ильской – Краснодара. Не менее полусотни бомбардировщиков, форсируя подвывающие двигатели, угасающими чѐрными чѐрточками поднимались в синее весеннее небо. Их прикрывали две тройки едва различимых в вышине «мессеров». В убежище – рукотворную пещеру под толстенной насыпью валунов, спустились не более десяти человек, остальные, собравшись, но не кучкуясь, громким ма-

том комментировали пролёт фашистов.

Дьяк затылком чувствовал взгляд Копоти, но упорно стоял у самого спуска в убежище, готовый вернуться от пустого разговора. Нет, товарищ майор, никого тут не настораживало, что вор в законе напросился на войну. Все знали, что Копоть на зоне отморозил – с психу поднял «на перо» другого вора и по разборкам мог быть блатными казнён. Должен был быть казнён.

– Эх, на горке бы пару взводов с противотанковыми расконцентрировать, – аж с подсвистом тенорил Живчик, – они бы фрицев славно пощёлкали. Как семечки.

– Ты сходи, сначала эту горку от эсэсовцев зачисти, стратег хренов. – Старшой стоял так, чтобы держать в виду и Дьяка, и Копотя: если блатной вначале что просит, до заискивания вертится, то потом, получив желаемое, не удержится, непременно хаманёт, восстанавливая своё самомнение.

На вечернем построении ротный, приняв доклад о наличии свободных от дежурств, сразу взял быка за рога:

– Товарищи командиры и красноармейцы, завтра у нас полдня на подготовку, а после обеда по группам выступаем на указанные участки передовой. Там к нам подключатся батальонные. Вечер наблюдаем. Ночью переходим линию фронта. Батальонные шумят и тут же возвращаются, имитируя неудачу. Мы углубляемся и расходимся на задания согласно конкретным приказам. У каждой группы своё чрез-

вычайно ответственное задание. Поэтому я лично пойду с вами. Товарищ младший лейтенант остаётся за меня. Если есть больные или кому что мешает идти, доложить немедленно. Есть? Нет. Спасибо, товарищи, в этот раз востребован весь состав. Итак, вечер, ночь и завтрашние полдня – на подготовку к длительному рейду. Учить никого не буду: боеприпасы, боеприпасы и боеприпасы. Хотя фронт держат румыны, в тылу полно эсэсовцев. Так что с танкистами время не теряйте, они не сдадутся. Нужно постараться найти вермахт, ту же девятую зенитную дивизию – связистов, зенитчиков, идеально – взять снабженцев. И ещё внимание: на перевалах опорные точки горных стрелков из недобитого сорок девятого корпуса, с теми контактов избегайте вообще. Лишние потери – они всегда лишние. Итак, товарищи, если есть вопросы или личные просьбы, подходите ко мне или замполиту через час.

По кивку ротного командовавший построением младший лейтенант Морозов рыкнул:

– Взвод, разойтись! Командиры отделений, к командиру роты! – И тихо, но дальнозвучно добавил: – Письма утром сдавать мне.

Письма перед рейдом в тыл писали всегда. Ну, если было кому писать.

Старшой раздавал двухсантиметровые химические обрезки-карандаши, которыми его по ветеранской дружбе беспре-

кословно снабжал зампотылу. Как и тетрадочными листками. Не подходили за письменным набором только Ярёма, у которого все родные и близкие находились в оккупации, Кырдык – по причине неграмотности жены и Копоть – круглый сирота, по воровским понятиям не заводивший «постоянную» маруху, дабы не прослыть среди урок семейным. А вот Живчик настрачивал даже три-четыре треугольника: матушке и кралям. Также дополнительную бумагу просил Пичуга, у которого никогда не получалось уложиться в полторы странички треугольника. Таёжный бродяга Сёма, как бы разорвавший всякие связи с ушедшими с атаманом Семёновым в Монголию «семейскими» казаками-родственниками, писал своей школьной учительнице. Лютый разом отчитывался деду, отцу, матери, семерым братьям и трём сёстрам. Дьяк – жене и дочери.

В эти минуты мучительно-сладкого литературного творчества все, по возможности, разбрёдались, рассеивались по восточному склону оврага, пользуясь последними минутами по-южному быстро жухнувшего предзакатного света.

«Здравствуйте, мои родненькие сынки Илюшенька и Петрик, доча Анюся и жена Мусинька! Анюся, поздравляю тебя с днём рождения, который будет 29 мая, наша военная почта идёт медленно, сегодня 17 апреля, но я надеюсь, что к твоему дню письмо успеет. Может, и раньше. Анюся, желаю тебе быть здоровой, расти, слушать мамку с Илюшей и дружить с братиком Петей. И дожидаться своего папки. Он

вернётся обязательно к вам, мои дорогие. Не думайте о плохом, уж как оно выйдет. Война – горе безмерное. Илюша, ты как старший помогай маме и сестрёнке, пока война в доме, ты – мужик за меня. Петрик, учись старательно. Я пока чувствую себя хорошо, но как вы – я давно не знаю, так уж от вас письма давно получал. Прошу вас не обижаться на меня за мои нечестные весточки. Я вам стал реже писать ввиду того, что мы уже третий месяц наступаем, почта отстаёт. Гоним фрица с нашей земли в вашу. Муся, ты получила деньги за орден и подбитый танк, которые я тебе высылал в январе? Если не получила – напиши. Я доложу замполиту батальона. Вот пока всё. Привет всем нашим – родне, соседям. Я всех прошу, чтобы не обижались на меня ни за что прошедшее. Крепко, несчётно раз вас целую, сынов моих и дочку с мамочкой. До свидания. Ваш папа и муж Тарас.

С красноармейским приветом старшина Воловик Тарас Степанович».

«Дорогая моя учительница Нина Сергеевна! Разрешите мне вам передать свой пламенный, фронтовой и незабываемый привет и массу наилучших пожеланий в вашей жизни. Дорогая Нина Сергеевна, когда я получил ваше письмо, оно сильно на меня подействовало. Я сочувствую всем вашим трудностям, вашему горю, и мне тоже тяжело. Ведь я тоже на фронте, где жизнь считается по секундам. Я также сильно переживаю о смерти вашего сына, моего друга

Вити. Я тоже не сплю ночами, ибо нельзя, это война и прочее. Клянусь вам отомстить за Витю и застрелить 10 фашистов на его счёт. Нина Сергеевна, нас постигло общее горе, оно не только у вас, ведь и весь наш советский народ терпит. Но мы не должны ныть, а, наоборот, переносить все эти трудности, стиснув зубы. Уже недолго, и покончим с гитлеровскими бандитами, разобьём и сметём с лица земли всю фашистскую нечисть. Не печальтесь, не падайте сильно духом. На этом разрешите письмо кончить. Пишите мне письма.

Ваш преданный ученик и навсегда

друг Вити Семён Калужный».

«Здравствуйте, дедушка Андрей, батюшка с матушкой, братишки Ваня, Лёня, Лёва, Киря, Гриня, Рома, Федюша и сестрёнки Таисия с Шурочкой и Липочкой. Шлю вам боевой привет и желаю всего самого благого. Батюшка, верь: здесь, на фронте, я только твёрже становлюсь в вере в светлую и обязательную победу правды. Матушка, прошу не волноваться: Бог только знает, как дальше будет, но посуди – в боях участвую с самого начала своего воинского служения и за год даже легко не ранен. Это ведь никакая не случайность, это ваша родительская любовь. К тому же после Сталинграда враг слаб в коленях стал. И каждый день мы продвигаемся всё вперёд и вперёд на запад, скоро будет конец зверю. Хотя, когда он на нас пёр, то почти не встречал укреплений, а теперь, когда мы идём на него – всё

стальное и бетонное на 25 км вглубь, и всё равно он трусливо бежит, хоть и огрызается. Скучаю по всем вам, родные, напишите, какие у вас цены на всё, а особенно на хлеб. Ваня, Лёня и Таисия работают, хватает ли их зарплат? Вот выгоним врага, тогда доучатся, а пока пусть.

Ваш сын, внук и брат Антиох.

Он же рядовой Лютиков».

«Здравствуй, милые Катюша и Уленька!

Катюша, получил от тебя сразу два письма – как наступление, так почта чумеет. Ты посылала эти письма в разные дни, а я их получил вместе. Эх, почта, но зато я вдвойне счастлив. Читаю и перечитываю и за каждой строчкой слышу твой голос, вижу шевеление твоих губ... Катюша, как же мне хотелось бы сейчас вас увидеть, ты не можешь себе представить! Прижать к себе тебя и доченьку. Ткнуться носом в ваши макушки. Подумать только – четыре годика! Совсем большая, наша красавица. Но ничего не поделаешь. Я знаю, что ты обо мне думаешь, я постоянно знаю, и от этого на душе легко, не страшно, хотя бои плотные, злые. Ладно, когда победим, к моему приезду приготовь как можно больше писчей бумаги. Мне это будет нужно. Сейчас о своей жизни писать много не приходится, а потом нужно будет обязательно всё-всё рассказать. О жертвах и подвигах. О друзьях-товарищах, об увиденном и перетроганном великом зле, горе и всё равно непобедимости добра. Ещё недельку – и будет

нам Праздник. Ты сама это знаешь. Только, матушка Катюша, ты ведь у меня послушная и, по смиренности, исполнительная? Да? Ты ведь тоже Благословская? Тогда мужней волей повелеваю: не затрудняй себя на огороде, как можно больше старайся отдыхать. Поцелуй за меня маму. У неё всё по-прежнему?

Крепко и нежно обнимаю вас, мои самые дорогие на этом свете, и целую, целую.

Ваш отец Дмитрий».

«Родные мои мама, папа, уважаемые тётя Люся, Борис Самуилович, Мила Борисовна, Елена Игоревна и Николай Иванович!

Простите, что я вам так давно не отвечал. Хотя ваши письма все получал, за которые большое спасибо. Но мы уже второй месяц в наступлении, меняем дислокацию так, что и по двое суток на одном месте до вот этого нынешнего дня не задерживались. А уж я, тем более, постоянно задействован командованием. Много требуется переводить. Потому, когда выпадают минутки – сплю. Просто по-детски глубоко и сладко сплю. Привык к разрывам и выстрелам, не реагирую, так, наверное, моряк привыкает к плеску волн под бортом и качке. Интересно, смогу ли потом отвыкнуть? Война в принципе очень шумная, и возникающая тишина даже тревожит. Угрожает неестественностью.

А ещё я очень хорошо сошёлся с товарищами из нашего подразделения. Настоящие, верные друзья, хотя многие гораздо старше меня. Но никто возрастом

и званиями не задаётся. Как много я вам расскажу о них при встрече. Впрочем, я уже писал об этом и, кажется, неоднократно. Простите, и это никак не значит, что я забываю о вас и забываю о нашем доме, о нашей дружной коммунальной квартире. Нет, помню всегда, всех, всё, просто эта домашняя память никак не связывается с тем, чем мы повседневно живём на фронте. Она как бы отдельно, в отдельном уголке сердца и достаётся оттуда, когда приходят ваши письма.

И потому их, ваших писем, мои родные, всегда было, есть и будет очень мало. Как сладко читать их в редкие свободные минутки, смаковать каждое ваше послание, ведь они такие нежные. Именно „нежные“ – вот очень точное слово, точное и всё объясняющее! Нежность совершенно неуместна ввиду жестокости военных действий.

После такого нежного вашего письма становишься как-то злей, в ещё большем желании сделать для нашей родины всё, даже до смерти. Спасибо, милые, за такие поднимающие дух письма. Они одновременно укрепляют боевой дух и в то же время не позволяют огрубеть. Я очень даже не знаю, как передать мою радость, что хотя через письма, но вы вместе со мной.

Елена Игоревна и Николай Иванович, как правильно, что вы со всеми нашими солдатскими и командирскими отцами, матерями, сестрами, братьями, всеми родными и близкими по всей стране, по всем городам и республикам – воюете вместе с нами, там, в тылу, куете грядущую победу – это еще один их трёх залогов нашей.

Желаю самого хорошего в вашей научной работе. Единый советский народ – как единый организм, могучий, смелый, свободный, ведомый волей великой Коммунистической партии!

Папа, всё же как-то я обижен сыновней судьбою – за полгода пребывания на фронте я получил от Вас только одно личное письмо. Практически всегда пишет мама, даже Николай Иванович написал два. Почему? Я ведь тоже страдаю. Когда я вспоминаю сестру, слезы невольно заполняют глаза. Разве я виноват, что подговорил её учиться в Ленинграде? Если бы из всей нашей родни в Ленинграде кто-либо остался жив, тогда (зачёркнуто). Папа, ведь я тоже любил её больше всего на свете, гордился её талантом и хотел ей счастья. Хотел, чтобы она развивала свои уникальные способности не в МГХИ, а в Академии художеств. Как я хочу встретиться, взглянуть Вам прямо в глаза, взять за руки. Дорогой мой папа, прошу, умоляю писать мне, писать обо всем.

Письма из дома я ношу на груди, у самого сердца, как символ моей любви к Родине, к нашему русскому народу и Вам, мой милый папа. Конечно, жаль умереть в девятнадцать лет, но в то же время даже хочется умереть, если точно знаешь, что твоя смерть приблизит час победы. Я солдат, я не случайная и несчастная жертва, а волевой, добровольный участник войны. И я верю: вы, мои родные, будете жить замечательно, будете о нас петь замечательные песни и будете жить с гордо поднятой головой. И вы будете рассказывать новым

поколениям, что ваш родной сын, ваш брат, дядя, друг погиб честно в борьбе за родину, за её освобождение.

Простите ещё раз за пафосность. Как ваши бытовые дела? Как, мамочка, твоё здоровье? Пишите больше и чаще.

Любящий вас всех Клим.

Полевая почта всё та же».

«Наше вам почтение, драгоценная моему солдатскому сердцу Поля. Во первых строках сего письма спешу сообщить, что я жив и здоров. И того же вам желаю, дорогая. Снаряды рвутся над головой, пули тоже свистят около ушей. Бесценная Поля, как вы живёте – хорошо или плохо? Я живу хорошо. Не расстраивайтесь обо мне, не плачьте понапрасну, не зря меня друзья зовут Живчик, я фартовый и приду домой. Пока жив и не могу гадать, но буду бороться с врагом до последней капли крови. Мы, бойцы рабоче-крестьянской армии, будем защищать свою родную родину и будем в ней счастливо жить. Мы все силы бросим на уничтожение гадов фашистов-немцев. Дорогая Поля, за подвиги меня скоро обязательно представят к ордену, и вы даже будете гордиться мною перед подругами. Шлю вам свой героический, пламенный фронтовой привет.

Писал ваш сердечный друг

Яков Гаркуша».

«Наше вам почтение, драгоценная моему солдатскому сердцу Рая. Во первых строках сего письма

спешу сообщить, что я жив и здоров. И того же вам желаю, дорогая. Снаряды рвутся над головой, пули тоже свистят около ушей. Бесценная Рая, как вы живёте – хорошо или плохо? Я живу хорошо. Не расстраивайтесь обо мне, не плачьте понапрасну, я фартовый, не зря меня друзья зовут Живчик, я буду бороться с врагом до последней капли крови. Мы, бойцы рабоче-крестьянской армии, будем защищать свою родную родину и будем в ней счастливо жить. Мы все силы бросим на уничтожение фашистов и немцев. Дорогая Рая, за подвиги меня скоро представят к ордену. Шлю вам свой героический фронтовой привет.

Писал ваш сердечный друг

Яков Гаркуша».

– Товарищ старший лейтенант, письма бойцов собрал, двадцать два, отправляю в штаб «вэшникам» на политконтроль. Семеро не стали писать. А твоё будет, Александр Кузьмич? – Младший лейтенант Морозов, обиженный отказом на двухсуточные просьбы тоже пойти на это задание, смотрел Смирнову не в глаза, а на два ордена Красного Знамени, две Красной Звезды и две медали «За отвагу». Штабной разведрезерв всем наличным составом по мелочам за фронт не засылают, и, конечно, если всё сойдётся, то будет у Кузьмича ещё одна награда. У самого-то Морозова пока только одна Красная Звезда, а представление на медаль куда-то запропало. Хотя уже три месяца, как комбат в дивизию направлял. «За боевые заслуги». Надо будет, по случаю, с

ним поговорить, пусть тряхнёт там писарьков. А ещё в прошлом году новые ордена учреждены, специально для офицеров. Александра Невского, очень красивый.

Смирнов, полуотвернувшись в сторону обострившейся с рассветом канонады под Крымском, расстегнул планшетку, нашарил и протянул твёрдый офицерский конверт.

«Соня!

Страна и партия призвали меня к выполнению священного долга – защите Отечества. Мне была оказана великая честь – встать в ряды РККА в порядке первой партийной мобилизации, я встретил врага обученным командиром. Сейчас опять плотные бои, востребованы мои теоретические знания, подтверждённые уже немалым фронтовым опытом. По мере сил и возможностей постараюсь оправдать высокое доверие партии. Завтра уходим на ответственное задание. Если вернусь, объяснимся подробно. А пока знай: ты себя не вини, со мной действительно трудно. Если уж встретила другого и полюбила, главное, если ты счастлива, я всё переживу.

А вдруг что-то пойдёт не так, моя к тебе последняя просьба: воспитывай сына Вилену коммунистом. Военный комиссариат обеспечит тебе необходимую помощь. В случае необходимости обращайся лично к тт. Орешенкову, Стрянову, Тучиеву.

Будь счастлива. Целуй нашего Вилену.

И, в любом случае, сохрани для него эту мою

последнюю фотографию.
Смирнов Александр Кузьмич».

18 апреля 1943 года. Воскресенье.

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 18 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани наши части отбивали контратаки пехоты и танков противника. На одном участке бойцы Н-ского соединения несколько дней назад заняли высоту, имеющую важное значение. Сегодня немцы семь раз переходили в атаки, пытаясь вновь овладеть этой высотой. Все атаки гитлеровцев отбиты. Только в течение дня противник потерял на этом участке убитыми до 1400 солдат и офицеров. Ожесточённые бои развернулись и на другом участке фронта, где немцы бросили в атаку более двух полков пехоты. Действия пехотных частей противник поддерживал крупными силами авиации. Наши части, обороняющие эти позиции, отбили атаки противника и нанесли ему тяжелые потери. По неполным данным, сбито 25 и подбито 8 немецких самолетов.

* * *

Три группы – три полных отделения плюс старший офицер разделились за километр до передовой. Никаких про-

щаний, перекигнулись-перезыркнулись и тремя струйками втекли в молодую зелень сумаха, карагача, бузины и орешника. Каждую группу уводили местные батальонные разведчики.

Лёгкий поначалу подъём с каждым шагом становился всё более трудным. Коренастый, конопатый, со смешно растопыренными реденькими рыжими усиками – не то что у прибывшего старшины, у которого они моржились, как у писателя Горького, – местный старшина, шедший на шаг перед командиром, негромко, но слышимо для всех вводил в курс:

– Туманы под утро сползают. Хорошо, иначе у нас линию никак не перейти: мы на северном склоне, румыны на южном. За две недели друг друга уже в лицо узнаём. Вот хоть зелёнка в лист пошла, от снайперов немного прикрыла. А то днём шевельнуться не давали. Речушка отгуляла после дождей, но долинка широкая, открытая метров сто пятьдесят – двести, из укрытий камни разные, есть валуны, немного ив. Минные заграждения выше, на подъёме. А ещё выше, почти у гребня, доты. Эсэсовцы, собачьи блохи, дорогу контролируют. Там у них и пушки забетонированы, даже стопятидесятиметровые есть, и крупнокалиберные пулемёты. И танковые гнёзда умно оборудованы, никакими штурмовиками не выковырять. «Илы» пытались по нашей наводке сработать, попали под зенитки. Две машины здесь упали, взорвались с лётчиками – мы потом ночью подходили, нет, никто не сдаться. Экипажи сгорели в кабинах. Ещё два самолёта ушли с

дымами. Короче, перед нами новый Очаков. И Измаил одновременно.

– Ты лучше скажи, за их гребнем кто? Искали там?

– Нет. До эсэсовцев поднимались, срисовали доты, другие укрепления. Выше – нет. И так-то с потерями. – Усатенький тормознул, оглянулся, вскинув ладонь. – Внимание! За перевалом мы в зоне видимости противника.

Два бойца, тоже в маскировочных комбинезонах, принимали гостей у начала окопа. Разлапистые, парноперистые листья-ветви сумаха уже плотно прикрывали неглубокий, трудно выбитый в каменисто-глиняных осыпях ровчик, зигзагами уводивший к укреплениям верхней второй линии. Чтобы не выдать появление группы, разбились по двое – по трое, с пятиминутными разрывами. Дьяк с радиостанцией и Пичуга с аккумуляторной батареей шли предпоследними. Замыкали Сёма со своей неразлучной «токаревкой-сороковкой» и подгруженный аптечками и подарочным куревом Лютый.

За табак местные поделились и кашей, и спальными местами. Наблюдали сменами по трое, свободные пытались хоть чуток подремать перед ночным выходом. Но получалось сложно, просто вылёживались, отложив оружие, подсумки, расстегнув брючные ремни.

На противоположном, менее крутом, но восходящем метров на триста вражеском склоне нетрудно прочитывались протяжные окопы первой и второй оборонных линий с пу-

лемётными выносами. Оттуда, сверху, просмотр был много удобней, но зато наша северная сторона была куда как лесистей.

– Ка-ак Крымск во-озьмут, то-о нам тут сра-азу штурмо-овать. В при-инципе, из-за горки га-аубицами мо-ожно накрыть по-о огневым то-очкам. – Командир роты, занимавшей участок, на котором ночью предстояло переходить линию фронта, сильно растягивал гласные. Видимо, после контузии. Молодой, а виски седые. – Но-о, всё равно, на-арода ма-ало. Румын шу-уганём, а немцы та-ам, на-аверху, упрут-ся. Авиа-ацию бы, да зе-енитки звери.

– Там, выше второй линии обороны, в зелёнке довольно накатанная дорога. Она как бы только до Армянской, но далее от станицы есть тропы через хребет на Новороссийск. – Рыжеусый старшина осторожно двинул под локоть смотрящего в бинокль Смирнова. – Левее. Ориентир три сосны, от них прямо вверх. Дот.

– Мо-оя разве-едка добира-алась до него. Эсэс.

– Хотели мы «языка» взять – не дался, артерию себе вскрыл. Слушай, у нас пяток румынских кепок есть. Возьмёте? Очень смешные, так что фрицы не сразу распознают.

Наблюдательный пункт, накрытый плотными зарослями кислянки, был на четверых тесноват, но, правда, грунт ещё тот, ночами, когда рота окапывалась, лопаты не только клацали, но ещё и искрились о камни.

– Та-ак по нам и стре-еляли – на-а звук и на-а искры.

– Итак, показывай маршрут. – Смирнов отжал командира роты, и они с рыжеусым в два бинокля привалились к брустверу. Старшой приспособился над плечом командира.

– Здесь мы сползаем к речке. Десять минут. Туман накроет, никакими ракетами не просветят. Видишь? Там меж ив – проволоки с боталами. Вон там. И там. Мы их камнями обходим. Выше вдоль леса плотно заминировано. Сделаем сразу два коридора. Один вперёд, другой назад. Туда – слева от кипариса. Это ещё полчаса. Ну, сорок минут. Далее вы прямо-прямо вверх – минут двадцать, если бегом. Вам – меж тем и тем сосновыми пятнами. Часовых мы, если всё спокойно, там не замечали. Есть правее, у блиндажей. А слева постовой метрах в сорока. И чуть за выгибом траншеи. Так что участок бесконтрольный.

– Как мы в тумане не собьёмся?

– Туман по реке, понизу, у вас только ночь. Звёздная. Как вы за верхние окопы выйдете, мы с нижних берём «языка». Или не берём? По-любому пытаемся и отходим с громким боем. Шумим, гремим по второму проходу.

– Миномё-ётчики сразу на-акроют обе линии. Отвлекут. – Комроты попытался втиснуться меж разведки. – И первый про-оход в минном поле то-оже отрабо-отают. Про вас ни-икто не у-узнает.

– Спасибо, товарищи, спасибо. Воловик, при сменах наблюдателей доведи до каждого маршрут с ориентирами.

– Так точно, товарищ старший лейтенант. – Старшой для

чужих чуть ли не под козырёк взял. И уже когда они растянутым гуськом, пригнувшись, выбирались кривым окопом с НП, пробурчал в спину командира:

– Всё сделаю, всё, как положено. А вы, Александр Кузьмич, пока тоже чуток подремлите. Когда в другой-то раз придётся?

Туман густеющими волнами стекал по руслу, подпитываясь сползающей с холмов низкой надтравной дымкой. Журчание накрытой воды становилось громче, звонче воспевали своих возлюбленных лягушки. Какая же бурная и буйная на югах весна! Несколько летучих мышей немymi зигзагами чертили на фоне бледно-розовой ущербно-низкой луны и крупно засеявших зенит цветных звёздных горошин.

Разведчики ждали.

Дежурно то с русской, то с немецкой стороны взлетала осветительная ракета, пронзительно выбеляя затуманенное каменистое урочище и залесенные склоны. Дежурно то с нашей, то с противной стороны коротко отстукивал пулемёт, очередь гаснувшим эхом переталкивалась от склона к склону.

Разведчики ждали.

Сырая пронзительная прохлада забиралась за воротник, в рукава, набухла каплями на бровях и кончиках носов.

Разведчики ждали.

Командир и Усатый, слившись в один контур, сдвинули часы с фосфорными цифрами и стрелками. Три-ноль-ноль – развод и смена караулов. Пора!

Сапёры, за ними батальонные, крайними – дивизионные. Ползком в туман, там уже на карачках, на коленях по скользким влажным камням в обжигающе ледяную воду.

Лягушки предательски замолчали. Их заминку восполнили двое батальонных с подхватившим страстное утробное воканье Живчиком. Вышло так убедительно, что сами зелёные возмутились прибытием конкурентов и вновь заорали, раздувая горловые мешки.

Голова в ноги, голова в ноги – змейкой оползли проволочные растяжки с гремучими консервно-баночными сторожками и взведёнными натяжными противопехотными минами. По сапёрным маячкам вошли в зелёнку.

Туман выпустил в спящий кустарник бесшумные неясные тени.

Двое батальонных ножами сняли часового. Заняли позиции по траншее справа и слева. Всё тихо. Остальные трое батальонных нырнули за бруствер, выгорбились, сцепились мостком, чтобы по их плечам перебежали дивизионные.

Три сорок одна.

Переступать с перекатом стопы, чтобы ничего не хрустнуло, сколько ни тренируйся, быстро не получится. Шажок за шажком.

Вторая линия на указанном участке действительно была пуста. Сползший в траншею богатырь Ярёма привычно ссутулился, пока остальные перепрыгивали по нему за заднюю

стенку. Первый, второй, третий... восьмой, девятый. Все? Все. Трудно распрямившись, поднял руки. Копоть и Живчик, поднатужась, выдержали и его.

Всё тихо. Четыре ноль семь.

Вперёд! Вперёд! Вперёд. То есть в гору, в гору!

Они успели подняться метров на двести, когда внизу загрохотало и засияло. Длинные очереди громогласных «ППШ» и гранатные взрывы пробудили обе стороны фронта – словно по команде десятки ракет свистящими огненными точками взвились в небо, вспыхнули, хлопнули, раскрыв парашюты на безжалостные десять-двенадцать секунд и, судорожно догорая, попадали в туман, прошиваемый косо рикошетищими от камней малиновыми и жёлтыми пулемётными трассерами. На румынских пулемётчиков полетели русские мины, русским миномётчикам ответили горные орудия немцев...

Вперёд! Вперёд.

Минут через десять всё почти разом стихло. Последним отстучал пулемёт Дегтярёва – ага, значит, наши вышли, фашисты уже выслали поисковые группы и по своим вблизи нейтральной полосы не стреляли.

Вперёд, вперёд, вперёд... Зигзагами от дерева к кусту, от куста к валуну. Вскочил, пробежал десять-пятнадцать шагов, припал к естественному укрытию. Огляделся, вскочил, пробежал... От валуна к кусту, от куста к дереву. Впереди Кырдык и Лютый. Замыкающие – Копоть и Живчик.

Подъём с каждым шагом заметно набирал крутизну. Плотной подогнанная к спине сумка с рацией начала сползать с левого плеча, но остановиться, поправить ремень нельзя. Под куст рядом с Дьяком на колени упал, дыша, часто, как собака, Пичуга. Согнувшись – лбом в землю – подкинул-подтянул аккумуляторы. Ничего, терпит парнишка. Радист и переводчик, перегруженные самым ценным – радиостанцией «РБМ» с двумя аккумуляторами, компенсированы облегчённым боезапасом: их «ППШ» не с барабанными магазинами, а с лёгкими секторными «рожками». И «карманных» патронов по двести штук.

А так-то разведчик, уходя в тыл врага, брал с собой порядка семнадцати килограммов патронов «семь шестьдесят два» – под обязательные пистолет-пулемёт Шпагина и самозарядный пистолет Токарева: пять снаряжённых дисков по семьдесят одному – при умелой прокрутке дисковой пружины – семьдесят три патрона, и столько же в пачках по карманам. Добавить вес самого оружия – три с половиной «ППШ» и увесистый «ТТ», пять-семь гранат – вот ещё десяток кило. Бинокль, кинжал, аптечка, никаких продуктов, только фляга воды.

Почти тридцать килограммов подогнанного, нигде не бряцающего, нецарапающегося и нецепляющегося боеобеспечения – подъём с каждым шагом заметно набирал крутизну.

Луна села за гряды, и звёзды окончательно заполнили разреженную черноту налёгшего на взмокшие росой кроны ка-

рагача и лещины космоса. Земля ответно пружинила, остро пронзая пустоту шпилями пирамидальных тополей. Где-то близко уже должна проходить дорога. А над ней, слева – эсэсовский ДОТ.

Обнажённая глина длинными светло-серыми стяжками прошла обжимающую дорогу тёмную вязь акации и крушины. По отмашке командира разведчики развернулись цепью метрах в двадцати от кювета, залегли. Пять пятьдесят две.

– Ярёма и Копоть – на фланги, потом замыкаете. Кырдык и Живчик, на ту сторону. Осмотритесь. Если чисто, мы за вами.

Шесть десять. Звёзды тускнели с каждой минутой. Светает здесь так же стремительно, как и темнеет. Шесть четырнадцать. Наконец-то! Живчик на секунду вынырнул из-за куста, призывно помахал и вновь пропал.

Старшой, Лютый, Сёма. За ними сразу командир, Дьяк и Пичуга. Чуть позже фланговые Копоть и Кырдык.

Едва углубились на двадцать-тридцать метров, как Кырдык дважды тихо крикнул: по только что пересечённой разведчиками дороге быстрым маршем шагал патруль. Приближаясь из-за дальнего поворота, громко, не в ногу топали четверо румын. Два почти мальчика и два почти деда, измученные длинными немецкими «манлихерами» – винтовками чуть ли не с Первой мировой – и тяжеленными ранцами. Взгляды под себя, ладони глубоко под ляжками. Пояса перекошены штык-ножами и подсумками. Полная безалабер-

ность, как будто в глубоком тылу на отдыхе.

Дьяк буквально ощутил, как слева напрягся, залучился злой энергией Живчик – такой лёгкий трофей! Наверняка в заспинниках у них и хавчик, и экспроприированные у местных шмотки. Только что где-то намародёрствовали и прут домой. Отсылать родне в Констанцу или Яссы.

Лес разорвался в отдельные гряды, на всё ширящихся полянах низенькое солнышко искристо розовело влажное разнотравье. Сбиваемая роса чётко обозначала след. Ещё и певчие птахи предательски смолкали, едва группа входила под ивовые или ясеневые завесы. Выбрали хоть и одинокую на лёгком всхолмье, но достаточно плотную толпу разлапистых каштанов в окружении колючих кустов шиповника и дерезы. Залегли: командир, Дьяк и Пичуга с рацией по центру, остальные – широким кругом по границе рощицы. Наблюдать и дремать по очереди – через одного!

Пичуга, едва скинул мешок и вытянулся, мгновенно отключился. Дьяк покосился на командира, но тот нарочито отвернулся. А потом и вовсе ушёл к Старшему.

– Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя, – тихо-тихо запел за спиной внезапно появившийся Лютый, – из мёртвых воздвигл еси Лазаря Христе Боже. Темже и мы яко отроцы победы знамения носящее...

– Тебе победителю смерти вопием: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне! – также шёпотом подхватил Дьяк.

– Осанна в вышних, отец диакон! – Лютый в рейдах всегда демонстративно открыто крестился.

– Да, с Вербным тебя, брат Антиох.

Улыбающийся Лютый уселся рядом, плечо в плечо. На всякий случай пооглядывался и – мол, попала грязь – переломил автомат, изъял затвор, просмотрел, протёр боёк чёрной тряпочкой.

– А я помню: к батю протоиерей ещё царский приезжал. Мощный такой старик. Весь круглый, тяжёлый, точно дубовая бочка. Бывало, разгладит усы да как дунет через белую бородину: «Сам, Владыко! и нас, по подражанию онем... в предпразднственный сей день ваия... и ветви древес в руках носящих... соблюди! и якоже онии народи! и дети! осанна Тебе приносящих, сохрани-и-и!»

– Тише ты!

– Гм, в образ вошёл. – Лютый подсоединил магазин, передёрнул затвор. Проверил предохранитель. – Командир возвращается. А меня нет. Как не было.

И, опять шёпотом, удаляющееся:

– Благословен Грядый... во имя Господне...

Забавный человек Антиох Лютиков, какой-то сложнейший замес чистоты и наивности с лукавой прагматикой. Обаятелен, артистичен, постоянно в контексте: с одними – такой, с другими – совершенно противоположный. А ещё от времени суток и от погоды может легко меняться. Белобрысый, круглолицый – кажется с пермяцкой кровинкой. До все-

го интерес. И руки всё время в деле – что-то вертит, крутит, совершенствует – спуск пистолета, баланс ножа, брючные карманы. Уже двадцать шесть, а не женат. До войны всё метался, искал себя. Верит глубоко, искренне, службу знает – с пяти лет в алтаре прислуживал. Но об отцовской стезе даже слышать не хотел. Вот и проискался.

Дьяк оглянулся – никого, скинул сапоги, накрыл голенища развёрнутыми портянками. Вот он, дух русского воинства. Даже ветер возмущённо закачал верхними ветвями, осуждающе зашуршал листвой.

Пичуга вроде бы даже не дышал, как вдруг из-под надвинутой поперёк лба до носа пилотки:

– Неужели вы в это верите?! Вы же взрослые люди.

– Во что «в это»?

– Ну, в Бога этого. Двадцатый век на середине. Предельно глупо.

– Ты прав, да, когда встречаются верующий и неверующий, один из них обязательный дурак.

– В смысле: для вас я дурак?

– Всё взаимно. Ну, ты правильно меня понял.

– Да это... – Пичуга уже сидел, – это правда глупо! Вы же радист, человек технически образованный. И что – чудеса? Какие чудеса? Какие? Где?

Дьяк осторожно откинулся на спину, заложил ладони под затылок:

– Клим, ты проснулся? Тогда я подремлю. Прости, чем

обидел. Не хотел. Не...

И Дьяк мгновенно поплыл в синее-синее сияние, плещущее сквозь чуть-чуть шевелимую ветерком сочную молодую листву сплетшихся каштановых ветвей. Весеннее, до густоты насыщенное восходящей росной испариной небо нежно поднимало его, принимало, вбирало, покачивая под начало какой-то знакомой, когда-то очень знакомой, но теперь никак не вспоминаемой мелодии. Та-тата... та... тата-та... Та-тата...

– Пора, собираемся. – Командир легко толкнул в плечо, и Дьяк, открыв глаза, увидел стоящих вокруг разведчиков. Все, закинув головы, смотрели на дёргано гудящую раму «сто восемьдесят девятого» «Фокке-Вульфа».

– Так точно. Есть. – Утрясаясь-притираясь спиной, выпрямился под рацией. Выровнял автомат, поправил ремень. Всё.

– Роса высохла, трава молодая, гибкая. Не наследим. Нам до вечера мимо Армянской надо выйти как можно ближе к хребту. Но по пути ищем зенитные батареи. Горные батареи. И танковые схроны. Пойдём по-над дорогой, будем проверять все южные примыкающие. Любых контактов избегаем, только наблюдаем и срисовываем.

Кырдык и Старшой в передовом дозоре на пределе видимости. Живчик, Лютый, Сёма, командир, Дьяк и Пичуга –

основная группа. Ярёма и Копоть – дозор тыловой.

Первый же поворот с основной дороги вывел на прикрытый румынским жандармским блокпостом склад горючего.

«Координаты: высота 4492***, широта 3798***. 32 вкопанные цистерны примерно по 8 кубических метров. 2 бронетранспортёра, 1 мотоцикл. По периметру 4 ДОТа, полномерные траншеи, колючая проволока, 3 вышки с пулемётными гнёздами. Охрана – до 30 румынских жандармов и порядка 10 немецких нижних чинов».

Второй поворот выходил в широко открытое поле. Старшой, Лютый, Сёма и Копоть, надев румынские пилотки, прошли по дороге с километр, далее ползком приблизились к зенитной батарее.

«Координаты: высота 4492***, широта 3798***. 4 капомира с 37-мм зенитными орудиями. В 200 метрах на юг в лесочке 4 замаскированных колёсно-гусеничных тягача, 1 фургон „Опель“ с радиостанцией, 2 мотоцикла, 9 прикопанных палаток, навес пищеблока. От 30 до 50 военнослужащих. По нашивкам – 275-й артиллерийский дивизион. Блокпост – 4 румынских жандарма и немец унтер-офицер. 1 станковый пулемёт. 1 мотоцикл».

Немцы вели себя аккуратно, за пределы постов никто не выходил – значит, минные поля. И жандармы при них не расслаблялись.

«Координаты: высота 4492***, широта 3798***. ДОТ с коммуникациями. Контролирует поворот дороги. Опреде-

лить количество гарнизона не удалось».

«Координаты: высота***, широта ***. Долговременные укрепления для 7 танков „Тигр“ и 4 лёгких „Т-3“ 5-го полка дивизии СС „Викинг“. В 100 метрах на юго-запад 20 жилых палаток и 5 технических. 4 грузовика, 2 автоцистерны, 1 автофургон с радиостанцией, 1 грузовик со спаренными зенитными пулемётами, легковой „Опель Капитан“. 6 мотоциклов. Гарнизон более 100 нижних чинов и 20 офицеров. 2 ДОТа. По периметру полноразмерная траншея с 2 блиндажами и 6 пулемётными точками. Минирование».

«Викинг»-то здесь откуда? Отстали после ремонта?

«Координаты: высота 4492***, широта 3798***. ДОТ с коммуникациями. Контролирует развилку дороги к хутору N. Хутор занят румынами, порядка роты. 2 грузовика с тендами. 10 подвод. Сплошных окопов нет. По периметру 4 ДЗОТа».

«Координаты: высота 4492***, широта 3798***. ДОТ с коммуникациями. Определить количество гарнизона не удалось. Контролирует развилку дороги к хутору N. Хутор сожжён, охраняется отделением жандармов».

«Координаты: высота 4492***, широта 3798***. ДОТ с коммуникациями. Контролирует поворот дороги. Определить количество гарнизона не удалось».

За день над разведчиками на малой высоте пролетели шесть групп – от сорока до шестидесяти «юнкер-

сов» под прикрытием одной-двух эскадрилий истребителей «FW-190». Встречно с Краснодара в сторону Новороссийска и Туапсе пролетели три группы четвёртых «илов» и вторых «пешек», машин по двадцать-тридцать, прикрытых пятком «МиГ-3». Наши летели высоко, но всё равно где-то с вершин хребта их пытались достать немецкие зенитки.

А вот по дороге движение было скудным: от Армянской в сторону Шептальской пропылила одна колонна из семи крытых брезентом грузовиков в сопровождении броневика и двух мотоциклов с пулемётами, прогремели два одиноких броневика, протрусили рысцой четверо кавалеристов. Встречно отчаянно продымил открытый бортовой «Опель» с десятком румын в кузове и прополз обоз из двадцати пустых конных повозок с одним-двумя местными полицаями в каждой.

Правда, трижды пришлось залегать, чтобы не засветиться кавалерийским разъездам. Один раз прямо в открытом поле. Разъезд мелкой рысью протрусил метрах в тридцати от уткнувшихся в землю, не успевших даже скинуть предательски торчащие из молодой травы вещмешки, разведчиков. Да ещё и лошади учуяли, начали похрапывать, перетаптываться, подёргивать ушами. Всадники смолкли, заоглядывались, вскинув автоматы. Две-три секунды решали всё. Но тут прямо из-под коней из куста дерезы шумно взлетели два здоровенных петуха-фазана. Немного отлетев, тяжело плюхнулись и побежали, блестя золотыми шеями.

– Ич! Ич! Хад! Хад! – наперегонки рванули в погоню кавалеристы. Серые воротники с чёрными петлицами – эсэсовцы. Тот самый батальон «Горец»? Грузины или шапсуги? Или чеченцы? Кто бы понимал. Даже Кырдык только плечами пожимал: «Эч – наше тюркское, хад – не помню. Не ингуши. Не балкарцы. Не карачаи. Не знаю».

Внизу, на гравийных осыпях под, казалось бы, такой сонной трассой то и дело скелетились десятки сброшенных с проезжей части остовов сгоревших советских и немецких грузовиков. Возле мостика мелкой, почти ручья, но скорой речушки жалко чернели собранные особой группой восемь искалеченных лёгких «Т-26» и «Т-60». И уже на подходе к станции приятно лежал на боку обезбашенный «Тигр».

Станица широко разметалась по низинке, полукружьем стекающей к невидимо петлявшей в камышах речушке Псыж. Лёгкие холмы, окружавшие долину, у горизонта резко вздувались серьёзными горами. В больших пустых огородах и зацветающих вишней садах – мелкие мазанки под тростниковыми крышами на окраинах; чуть меньше огороды, но крупнее мазанки под черепицей – в центре. Два каменных, сероштукатуреных двухэтажных административных здания. Длинная деревянная школа сильно обгорела.

Быстро вечерело. За час наблюдений – никаких признаков жизни. Просто никаких. Ни собаки, ни курицы. Ни человека. Только воробьи и дальние стрижи над камышами.

– Командир, мы с Живчиком в центр сходим? Пошарим? – Копоть заранее выложил «карманный» боезапас Ерёме, оставив только заряженные магазины. – Пока не стемнело.

– Давайте. – Не спорить же Смирнову с добровольцами. – Только на час. До администрации и назад. Без контактов, даже с гражданскими.

– Так точно, начальник.

– Мы будем возле вот того домика, на холме, в орешнике.

– Замётано, командир!

Копоть и Живчик перебежками помелькали вдоль заборов и растворились в проулке.

Обходящая станицу глиняная колеистая дорожка кривилась по-над оврагом. Из каждой недосохшей лужицы на его дне неслись страстные лягушачьи воканья. Казалось, это главная примета южной весны.

Группа перемещалась, всё так же осторожничая – крайняя односторонняя улица напрягала все больше: ну, ни малейших признаков жизни. В огородах грязная весенняя пустота. Через приоткрытые двери в холодных хатах – опрокинутые столы, табуреты, растерзанные постели. По земляным полам битая посуда, россыпи муки, кукурузы. Какое-то тряпье. И даже самодельные куклы.

Дьяк, после первых трёх мёртвых хат, безоговорочно оставался на внешнем дозоре. Пять, шесть, девять, двенадцать – по земляным полам тряпье, битая посуда, россыпи,

опрокинутая мебель.

Внизу в конце проезжей части улицы, возле прощально вздёрнутого журавля-колодца дурно воняла свалка из десятка вздутых уже собачьих трупов. Неохотно-тяжело взлетели несколько грачей и ворон.

– У-у, у-у! Это что?! – На перекладине растворённых ворот висел со свёрнутой головой, наверное, столетний дед.

– Шакалы! У, куйка шакалы! – Чтобы Кырдык запсиховал? Командир едва успел перехватить его за вещмешок:

– Не тронь. Наверняка заминирован.

– Пусти, командир, тамши. Мой отец такой. Борода мой ата такая.

Крайняя хата стояла на выносе. На приличном выносе. Строился хозяин, однако, с характером: всхолмье, с которого станица открывалась как на ладони, венчала высокая пятиоконная хата с большим сараем во дворе, крытым загоном-коровником, свиной стайкой, курятником и летней кухней, окружённая ухоженным садом с готовящимися зацвести айвой, яблонями, грушами, абрикосами, сливой и черешней. За плетёной оградой – высаженные грецкий орех, белые акации, чета высоченных пирамидальных тополей над колодцем-журавлём.

Кырдык толкнул дверь стволом автомата и отскочил. Выждав, Лютый из-под Сёминой винтовки заглянул внутрь. Впрыгнул, за ним Старшой и Кырдык. Внутри всё те же сле-

ды дикого разгрома – всё опрокинуто, разбросано. Даже из печи вырвана дверца. На стене меж окон трижды простреленная фотография уже прошлого века: казаки-молодожёны – он в форме при погонах младшего урядника, она в расшитой бисером рубахе с круглым присборенным воротником. Одна пуля попала ей в лицо.

Не было никого ни в сарае, ни в коровнике.

– Товарищ командир! Александр Кузьмич. – У Лютого глаза горели удивлением, даже с какой-то нервной смешинкой. – В свинарнике бабка лежит.

– Какая бабка?

– Обыкновенная. Ну, только очень древняя.

– В смысле – живая?

– Да. Живая. Лежит и смотрит.

– Куда смотрит?.. – За командиром и Лютым в крохотный свинарник попытались втиснуться Дьяк, Пичуга и даже Ярёма.

Слева от входа на кисло-вонючем, занавоженном полу под обгрызенной стеной валялась пара поддонов, покрытых протёртой засаленной кошмой. На этих поддонах уже не лежала, а сидела иссохшая до черноты, большеносая, морщинистая старуха. В белёной льняной сорочке.

– Здравствуйте, мамаша. Мы свои, советские. Русские.

Старуха, сощурившись, несколько секунд вглядывалась в командира.

– Мы русские. Вот, вернулись. Гоним немцев. Почему в

станции никого нет?

Потеряв интерес к командиру, старуха, сильно морщась, поочерёдно оглядела Лютого, Дьяка, Ярёму.

– Мамаша, вы меня слышите? Понимаете? – Командир присел на корточки.

– Слышу. Чё орёшь?

Голос оказался неожиданно тонким, чистым, хоть и слабеньким.

– Здравствуйте, мамаша. Так где все?

– Вернулись, значит, предатели. – Старуха бочком-бочком медленно прилегла, с выдохом откинулась на спину. – Вернулись, сволочи.

– Почему «предатели»?

Командир встал, выпрямился и чуть отступил, вжавшись в общий полукруг.

– Предатели. Бросили нас. На Урал побежали. В Сибирь.

– Эй, ты чего, старая? – вступился Лютый. – Никуда мы не бегали. Дрались всё время. Ну, было, отступали с боями, так теперь сами фрица гоним.

– Не бегали? Так верните мне моих доченок. Трёх. И восьмерых внучек. За мужиков с вас не спрашиваю, сами должны драться. А девочек моих – верните! Где они, коли вы не бегали? – Она закрыла глаза и еле слышно зашептала, но казалось – заорала, загремела, загрохотала: – Внучек и внуков под Покров в Германию забрали. Шестнадцать душ за два дня. А теперь вот и дочек на Украину. Всех, всю станицу

неделю как в Донецк на шахты погнали. Пешком, будто гусей. Меня одну помирать оставили – ноги не ходят, а так и стариков угребли. Всю станицу. Кто противился – на воротах повесили. Да уйдите, уйдите! Предатели. Видеть вас никаких сил нету. Сволочи.

– Мать, где воды набрать? – Последним в свинарнике задержался Дьяк.

– В колодцы не лезьте. Они отравлены.

Дьяк пулей вылетел во двор:

– Из колодца не пить!

Внизу, в центре станицы, вздулся чёрный гриб, оторвался, посерел и отлетел круглым облачком. Через двенадцать секунд донесло грохот. В бинокли было видно, как разгоралась одна из административных двухэтажек. Чего там с нашими? Нарвались или сами подорвали? Сами, поди, не желторотики.

Действительно, Копоть и Живчик явились минут через сорок.

Поджаро-жилистый Копоть легко поднимался на холм, оглядывая всё вокруг без поворотов головы. Он всегда так, словно волк, если и поворачивался, то всем телом. Может, шея больная? За ненатужным Копотью мелкий Живчик потел под здоровенным сине-бело-полосатым мешком. Чего там они надыбали? Кроме дозорящего на заднем дворе Семы, все вышли навстречу.

– Чего? Да ничего. И никого, как чума прошла. Точняк,

чума. И заминировано всё. В дверь полено кинули – видели, как долбануло. Оглохли.

– Вот, бумаги развешены. – Живчик скинул мешок, отёр лоб и подал командиру смятую, с оборванным верхним краем листовку. – Предъявы. Типа, всем явиться на перепись. Похоже, всех «переписали». Теперь никого и нигде.

Воду набрали в глубокой луже позади усадьбы. Вроде навозом не воняла. Костерок развели там же, в яме, под самой ивой, чтобы дым рассеивался листвой. На ужин предлагались два блюда – варёная кукуруза в початках и варёный горох. Главное – с солью.

– Благословский, ставьте антенну, через восемнадцать минут выходим на связь.

– Есть.

Дьяк с Пичугой закинули провод на крайний тополь, подсоединили к рации аккумулятор. Командир подошёл через шестнадцать минут. Оглядевшись, сел на траву, открыл планшет, достал крохотный, исписанный с двух сторон листочек. Пичуга, передёрнув затвор, занял наблюдательную позицию у дороги.

– «Кардинат... высата... широт... 4 укрепа з 37 мм зинитк 200 метр наюг 4 маскеров колеснгусенеч тягача 1 фургон с родиостансие 2 матацикл 9 вкопан палат пищеблок 30 до 50 военслужаш 275 артилизки дивизион 4 дота 2 линии траншеи блопост 4 рома жендарм и немец ундер 1 станок пуль-

мет 1 мотацикл».

В школе преподаватель выдавал за триста знаков в минуту, у Дьяка даже через три месяца постоянных упражнений выходило не более сотни. При его-то абсолютном музыкальном слухе. Пичуга вообще пока набивал тридцать-сорок.

«Кардинат... высат... широт... дот с камуникации контрол развилке дарог к хутер... Хутар знят романы до рот 2 грузовики с тенда 10 падвод сплош акопа нет па пириметри 4 дзт».

Первый уровень шифрования – передача с орфографическими ошибками и описками. Дьяк любил эту живую игру, она менялась в зависимости от того, кто принимал сигналы «дома». Любочка – студентка Томского пединститута – легко догадывалась о самых заморочных коверканьях, а вот с казанской студенткой Рахимой нужно было о сокращениях договариваться предварительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.